
На заднем склоне горы, под сенью Ордена Цинсяо, таилась запретная территория. В древнем величественном павильоне рядами стояли звёздные лампы жизненной силы каждого адепта. На самом переднем алтаре возвышалась лампа с вырезанными на ней тремя иероглифами: «Шэнь Хуайцзюнь». По обе стороны от внешних дверей застыли ученики-служители, следившие за чистотой.

Внутри же павильона кто-то пристально, не мигая, смотрел на лампаду Шэнь Хуайцзюня. Ярко-голубое пламя мелко трепетало, угасая. Хотя в зале не ощущалось ни малейшего сквозняка, огонёк дрожал и качался, словно под порывами ледяного ветра.

Чем слабее становился свет, тем шире расширялись глаза наблюдателя. В конце концов на фитиле осталась лишь крошечная искорка величиной с горошину. Ещё совсем немного, ещё какую-то малость — и звёздная лампа угаснет окончательно, возвещая о том, что Шэнь Хуайцзюнь сгинул, а душа его развеялась без остатка.

«Ещё немного угасни... ещё чуть-чуть...»

Едва прошелестел этот шёпот, как пламя неожиданно вспыхнуло вновь, поднявшись на целый вершок.

— Ах ты!..

Звёздная лампа жизненной силы безмятежно стояла на алтаре. Вокруг неё сияла золотистая формация, лично установленная Бессмертным почтенным Линсю, к которой никто не мог подойти близко. Не в силах преодолеть эту преграду, зашедшийся от ярости человек принимался крушить всё вокруг: в тишине зала с треском бились пиалы, раздавалась пронзительная ругань и отчаянный глухой стук по невидимому барьеру.

Замешательство прервал донесшийся снаружи голос:

— Бессмертный господин, Торжественное собрание Цинсяо уже не за горами. Старейшины желают обсудить с вами порядок приёма гостей.

В зале тотчас воцарилась тишина.

— Хорошо.

Дверь распахнулась и вновь закрылась. В полумраке осталась лишь звёздная лампа: она тихо горела, не ведая ни печали, ни радости.

Должно быть, тёплая вода в ту ночь действительно успокоила истерзанное тело: Шэнь Хуайцзюнь проспал беспробудно до самого рассвета. Едва первые лучи утреннего солнца коснулись его ресниц, он открыл глаза. Слегка шевельнув пальцами, он с изумлением обнаружил, что боль в меридианах заметно утихла. Впрочем, несмотря на удивление, двигаться резче он не рисковал, боясь потревожить старые раны.

По следам вчерашней мучительной боли ещё тянулось онемение. Оперевшись локтями о гряды кровати, он неспешно поднялся, постепенно возвращая себе власть над собственным телом. Накинув плотный плащ из вороньих перьев и позволив иссиня-чёрным волосам свободно рассыпаться по плечам, Шэнь Хуайцзюнь толкнул дверь.

Лёгкий ветерок дохнул в лицо. Набрав полные лёгкие прохладного утреннего воздуха, он не удержался от тихого кашля, однако бодрящая свежесть бамбуковой рощи принесла куда больше радости, чем унылая боль прежних дней.

Взгляд его скользнул по вымощенной галькой тропинке. До сих пор он без сил лежал в постели и теперь впервые разглядывал двор: неподалёку высилось тысячелетнее древнее дерево, с ветвей которого пышными гроздьями свисали лиловые лианы. Под сенью кроны стоял каменный стол, а на белоснежных фарфоровых блюдах красовались угощения. Аромат каштановых коврижек и клейкого риса с курицей разносился по всему двору.

Юноша в чёрном одеянии как раз расставлял палочки и пиалы. Заметив Шэнь Хуайцзюня, он ничуть не удивился и даже непринуждённо помахал рукой.

— Вы, культиваторы, народ привередливый, — широко улыбнулся юнец, — так что я взял понемногу всего: и постного, и сытного, и сладкого, и солёного.

Глядя на уставленный яствами стол, Шэнь Хуайцзюнь тихо поблагодарил его, но юноша вдруг хлопнул себя по лбу:

— Ох, чуть не забыл!

С этими словами он выудил из-за пазухи красный шнурок и велел:

— Подними руку.

Шэнь Хуайцзюнь недоуменно вскинул брови. Юноша же и не думал объяснять, лишь своенравно заявил:

— Хочешь поесть — сначала надень этот шнурок. И повязать его должен именно я.

Шэнь Хуайцзюнь всё ещё с сомнением разглядывал красную нить. Три хлопчатобумажные прядки, сплетённые воедино, оканчивались простым сине-белым нефритовым подвеском — обычная безделушка, какую продают на любом городском рынке. Неужели парень, видя его недуг, решил купить её на счастье, моля о его здравии?

Улыбнувшись этой мысли, он безропотно протянул тонкое запястье:

— Как пожелаешь.

Мо Яньхань вперил взгляд в белоснежное суставчатое запястье. В его глазах мелькнул затаённый холодок. Расправляя шнурок, он с усмешкой спросил:

— А ведь я сейчас свяжу тебя. Слыхал я, будто бессмертные пуще смерти боятся колдовства да проклятий. Не боишься, что я заговорю эту нить и причиню тебе вред?

Шэнь Хуайцзюнь лишь качнул головой.

Мо Яньхань замер на мгновение, обогнул шнурком его сустав и уже собрался затянуть узлы, как вдруг сверху раздался мягкий, исполненный участия голос:

— Дитя, ты живёшь здесь в горах совсем один... Как твоё имя?

Стоило завязать последний узел, как красную нить мгновенно пропитала тьма призрачной энергии. То было высшее заклятие, наложенное лично Владыкой призраков: отныне любые демоны, увидав этот знак, отступят в ужасе, а злые духи падут ниц. Отныне и вовек, куда бы ни направился тот, на кого надет шнурок, его разум и душа навеки связаны с Владыкой.

Шэнь Хуайцзюнь же ничего не почувствовал. Он лишь про себя подивился: надо же, за двадцать с лишним лет мастерство людских умельцев шагнуло далеко вперёд — из простых ниток выплетают экие мудрёные узоры.

Мо Яньхань опустил густые ресницы:

— Яньхань. «Янь» — как в тушечнице.

С последним словом он затянул тугой узел. В то же мгновение призрачная сила вспыхнула и переплелась, замыкая замысловатую формацию. Мо Яньхань самодовольно оглядел дело рук своих.

"Ну всё, болезненный, теперь ты от меня никуда не сбежишь."

Шэнь Хуайцзюнь неспешно сел за стол. Перед ним курились паром изысканные кушанья: наваристые бульоны, свежие овощи и даже фарфоровый горшочек с супом Фоцяоцян, от которого исходил густой, манящий аромат. Вот только аппетита у него не было совершенно.

— Знаю я, что ты всю ночь от боли корчился и смотреть на еду не можешь, да только съешь хоть ложку, — Мо Яньхань ткнул пальцем в сторону пиал. — Дело не в медяках, просто ради этой стряпни мне едва не пришлось кулаки в ход пустить.

Шэнь Хуайцзюнь опустил взгляд. Перед ним стояла пиала с белоснежным тофу в прозрачном бульоне. Зачерпнув немного, он ощутил невероятно богатый вкус — стряпуха из города Вэньюань явно знала своё дело.

— Когда ты пришёл делать заказ, зазывала в харчевне наверняка даже заговорить с тобой не изволил? — отставив ложку, спокойно спросил Шэнь Хуайцзюнь.

Мо Яньхань мгновенно оживился:

— А ты откуда ведаешь? Этот зазывала развалился на лавке, нога на ногу, и заявляет, мол, заведение закрыто! Пришлось хлестнуть кнутом — только тогда на колени повалился да пощады запричитал. — Юноша со вздохом добавил: — И охота им время тянуть? Я ж просто поесть купить хотел.

Шэнь Хуайцзюнь едва заметно улыбнулся и постучал изящным пальцем по краю пиалы:

— Ты пришёл не вовремя. Приди ты месяцем ранее, креветки в супе были бы куда сочнее. Нынче Орден Цинсяо устраивает Торжественное собрание, так что заведение сбилось с ног, заготавливая припасы для заклинателей. Разумеется, до простых смертных им дела нет.

Торжественное собрание Цинсяо считалось величайшим событием. В эти дни кланы и ордена со всех Девяти земель съезжались в город Цину.

Мо Яньхань буркнул:

— А ты неплохо разбираешься в еде. Но ты ведь тоже заклинатель, почему на собрание не идёшь?

Шэнь Хуайцзюнь удивлённо вскинул бровь:

— Я? — Он горько усмехнулся и качнул головой: — Нет, мне там делать нечего.

В Ордене Цинсяо не осталось никого, о ком он мог бы тосковать, и возвращаться туда он не намечался. Намного приятнее коротать дни в этом уединённом бамбуковом домике.

— Слыхал я, будто главы Ордена Цинсяо сейчас нет на горе, так что праздник, кажись, возглавит его младший дядя-наставник, Бай Шэн, — небрежно пробормотал парень, таясь палочками к каштановой коврижке.

Шэнь Хуайцзюнь внезапно замер.

Бай Шэн был его младшим соучеником — беззаботным, кротким и чистосердечным. В своё время Шэнь Хуайцзюнь души в нём не чаял и во всём потакал. А после того как самого Шэнь Хуайцзюня заточили на Утёсе Раскаяния, Бай Шэн унаследовал титул Бессмертного господина Цинсяо.

"Бессмертный господин Цинсяо" — не просто почтенный титул. В ордене этот пост стоял наравне с главой, наделяя обладателя равной властью. В прошлые годы, когда учитель отправился в странствия, Шэнь Хуайцзюнь рано принял это бремя. И если верить словам Небесного Грома, Бай Шэн таил в душе обиду, давно мечтая занять его место...

Что ж, теперь его мечта сбылась.

Сам же Шэнь Хуайцзюнь желал лишь одного: укрыться в глуши, исцелить израненное тело и спокойно дожить отведённый ему век. А Орден Цинсяо, судьбы мира и жизнь заклинателей — пусть всё идёт своим чередом, без него.

Опустив взор, Шэнь Хуайцзюнь аккуратно промокнул уголки губ платочком и собрался подняться:

— Я сыт.

Из трёх кусочков тофу в пиале осталось два с половиной — он, по сути, лишь прикоснулся к еде.

Мо Яньхань резким движением вспрыгнул с места:

— Постой! Я приволок целую гору кушаний, а ты сжевал полкуса тофу?! Съешь хоть что-нибудь ещё! Как я тебя раскормлю-то?!

"Раскормишь?"

Шэнь Хуайцзюнь нахмурился, не совсем понимая чудное слово. Тошнота подступала к горлу, и есть не хотелось совершенно, но парнишка вцепился в край его рукава и наотрез отказался выпускать из-за стола. Делать нечего: вздохнув, Шэнь Хуайцзюнь снова зачерпнул ложкой полкусочка тофу и отправил в рот.

Мо Яньхань от досады аж бровью не повелел. Подумать только, полкусочка тофу! Какое небывалое уважение к Владыке призраков!

— Какого беса?! Если ты ничего не жрёшь, как ты вообще на ноги встанешь?! Ты... — Он хотел было продолжить нотацию, как вдруг с неба донёлся гулкий, оглушительный рокот.

Оба вскинули головы. Прямо над кронами деревьев к двору плавно спускалась величественная небесная ладя.

— Заклинатели? На кой чёрт они сюда припёрлись? — изумился Мо Яньхань.

Шэнь Хуайцзюнь же, поднявшись на ноги, направился к дому.

— Не люблю я людей из орденов, — спокойно произнёс он. — Не говори им, что я здесь.

Мо Яньхань буркнул «ладно» и, подскочив, сунул ему в руки тарелку с каштановыми коврижками:

— На, заberi с собой! Всё съешь, понял? Если завтра тарелка не будет пустой, я больше в город за едой не пойду — будешь сухие черствеющие сухари грызть!

Едва дверь за Шэнь Хуайцзюнем закрылась, как с небесной лады на землю соскользнуло несколько силуэтов. Возглавлял их мужчина средних лет в тёмно-пурпурном одеянии даоса. Заложив руки за спину, он горделиво взирал на всё вокруг, а от его расшитых золотом одежд буквально исходило сияние.

— Я — Юй Синьчжи, градоначальник города Фусянь, — высокомерно представился он, с брезгливым видом оглядывая скромный дворик. — Мы держим путь в Орден Цинсяо на Торжественное собрание и желаем сделать остановку для отдыха.

Мо Яньхань при этих словах аж встрепенулся. Больше всего на свете он любил шум да суету, а уж на этом собрании наверняка соберётся всякая разношёрстная братия — будет на что посмотреть! А потому он с готовностью пригласил гостей присесть, надеясь вывести парочку любопытных сплетен.

Юй Синьчжи лишь презрительно фыркнул. Не дожидаясь особого приглашения, он прошёл к главному дому и вальяжно опустился на сундук. Следом за ним вереницей просеменили слуги и юные адепты, таща сундучки и утварь, и тут же принялись кипятить воду да заваривать чай.

Мо Яньхань плюхнулся на соседнее место и без экивоков спросил:

— А про что на вашем этом собрании толкуют?

Юй Синьчжи даже не удостоил его ответом. Вместо него в комнату шагнул юноша лет двадцати пяти и тем же надменным тоном бросил:

— Разумеется, о Пути совершенствования и тайнах бессмертия. Смертным вроде тебя не гоже сунуть нос в дела заклинателей.

Мо Яньхань разочарованно скривился. Какая скучища — культивация, бессмертие... Да сказители под мостом и то интереснее травят! Уж больно нудный этот народец.

Но всё же, не желая сдаваться, он подмигнул:

— А о том, как с Владыкой призраков совладать, разве говаривать не будете?

Юй Синьчжи лишь криво ухмыльнулся:

— Двухсотлетней давности смута улеглась: Владыка призраков давно запечатан Бессмертным господином Цинсяо в Великую формацию Девяти Оборотов Пленения Дракона. Нам опасаться нечего, а вам, смертным, и подавно не стоит забивать себе голову понапрасну.

Мо Яньхань удручённо опустил голову и буркнул:

— И то верно.

Чего людям бояться твари, которую Шэнь Хуайцзюнь одним махом загнал обратно в Царство призраков?

Маленький Владыка призраков подпёр щеку кулаком, впервые с момента прихода в мир людей ощутив глухую досаду. Но в то же время он радовался: как хорошо, что он успел обязать Шэнь Хуайцзюня волшебным шнурком! Не сделай он этого, этот бессмертный — хоть и немощный да больной — без труда ушёл бы от любой погони.

Пока он предавался раздумьям, Юй Синьчжи вдруг обернулся к сыну:

— Сыхуань, ты уже воскурил Талисман Отгонения Зла?

Молодой человек ответил, что ещё нет. Тогда юная служанка суетливо выудила из кармана листок жёлтой бумаги и поспешила к порогу, собираясь его поджечь. Мо Яньхань из любопытства вытянул шею: покойники поговаривали, будто эти талисманы отгоняют демонов и духов вроде него, так что ему стало интересно взглянуть на заклятье.

Каково же было его изумление, когда на жёлтой бумаге он разглядел крупно выведенные

иероглифы: «Шэнь Хуайцзюнь».

<http://bllate.org/book/20545/2106578>